

стелин Колец» превращаются в некое кощунственное апокрифическое Евангелие, в некую скучную аллегория, которая пересказывает всем известные истины. Чтобы произведения не приближались чересчур к библейскому мифу, чтобы не подорвать статус «Сильмариллиона» или «Властелина Колец» как вымышленного повествования, автору то и дело приходилось «одежничать» себя, держать себя в ежовых рукавицах. Добиться этого чрезвычайно сложно, и библейские аллюзии и языческие корни все же улавливаются на страницах «Сильмариллиона» и других произведениях.

Следует ли признавать героев «Сильмариллиона» язычниками или нет? Строго говоря, они, конечно же, язычники. Но нельзя и отрицать того, что в некоторых эпизодах библейские аллюзии и образы слишком очевидны. К примеру, в «Возвращении Короля» (третья часть трилогии «Властелин Колец») есть момент, когда Откровение кажется очень близким и пробивается на поверхность. Осознание победы над злым началом вызывает у одного из героев воспоминания об ушедшем под воду Нуменоре, но затем им овладевает чувство иррациональной радости, которая находит себе объяснение только некоторое время спустя, в песне орла. Стилистическим образом этой песни для Толкина послужила Псалтирь: Псалом 32-й и Псалом 23-й. Примечательна также сцена смерти Арагорна. Арагорн — персонаж исключительно добродетельный, однако он не христианин. В последних своих словах он описывает мир, полный страданий, через которые человек идет к искуплению грехов, что ведет к жизни вечной «за пределами этого мира». Вкладывая в уста Арагорна такие слова, Толкин тем самым пытается оправдать его, так как назвать Арагорна язычником он не может. Толкин считает, что такие герои, как Арагорн, после смерти не могут отправиться в Ад, но в Рай им тоже путь закрыт. Остается Лимб, где невинные, но не окрещенные души ждут Судного Дня (когда, как считается, они присоединятся к своим спасенным и окрещенным потомкам). Более всего под описание Лимба подходит Чертоги Мандоса, куда отправляются эльфы после «смерти», и откуда могут со временем вернуться. Люди также попадают в Чертоги Мандоса, но их чертог ожидания не тот, что у эльфов, и лишь только Эру Единому ведомо, куда уходят люди. Только одному человеку удалось вернуться, но нога его не ступала больше на земли смертных. «Быть может, после смерти люди уходят из воли Валаров, и не все предпето в Песни Айнуров».

Примеров, когда библейские аллюзии, несмотря на старания автора избежать их, проявляются в тексте произведения, выходят на его поверхность, немало. Так, большинство ключевых притч Книги Бытия нашли свое отражение в «Сильмариллионе»: притча о грехопадении, притча о всемирном потопе, притча о Вавилонском столпотворении. Обнаруживаются на страницах «легендарiums» (как Толкин сам называл свое лучшее произведение) и ключевые идеи Ветхого Завета — идеи Завета, Исхода и Обетования, мессианская идея, связанная с эсхатологическим Спасением всего человечества.

ПОДСЕКЦИЯ 2 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СЕМЬЯ И АРХЕТИП МАТЕРИ

Андрейченко Е. В., Белорусский государственный университет

В последние десятилетия социокультурное пространство Беларуси претерпевает значительные изменения, что естественным образом связано с общемировыми процессами модернизации и демократизации общества. Модификация коснулась и одного из важнейших социальных институтов — семьи. Традиционно семья определяется как общность людей, связанная брачными и кровными узами. Характеризуют семью общий быт, взаимная ответственность и функциональная зависимость между ее членами. Ребенок любой культуры до появления на свет и некоторое время после рождения принимает заботу и уход в первую очередь от матери. Архетип Матери выступает как «универсальный образ, содержащийся в коллективном бессознательном, predisposing испытывать определенные чувства или мыслить определенным образом относительно данного объекта».

В истории мировой культуры архетип Матери получил отражение в различных символах и персонализированных образах. Египетская богиня Исида, греческие богини Гея, Деметра олицетворяют культ плодородия и зарождение жизни как таковой. Богини Гера, Афродита, Артемиды, Гестия предстают как женские образы в отношении к мужчинам и браку. Новый этап в развитии архетипа Матери связан с появлением христианского образа Богоматери, где «Богоматерь почитается исключительно ради уникального материнства, через которое и обретается христианами вечная жизнь».

Обрядность белорусской культуры сочетает в себе языческие и христианские мотивы. Важное место в традиционной семейной жизни белорусов отведено ритуалам, посвященным беременности и рождению ребенка. Одновременно множество обрядов, поверий и гаданий готовят девушку к обретению статуса замужней женщины. Таким образом, сакрализованный архетип Матери как образ рождения и преодоления смерти, защиты, заботливой любви и опеки обеспечивает единство общекультурного развития.

Эволюция современной белорусской семьи заставляет пересматривать образ Матери. Тенденция смещения акцентов с родительства на супружество в качестве главных семейных ценностей устанавливает эмоциональную удовлетворенность межличностными отношениями, ощущение личного счастья, интимность, репродуктивная же функция постепенно отходит на второй план.

Значительное влияние на трансформацию семьи оказал феминизм как идейно-политическое движение. Возрастание ценности образования среди женщин приводит к увеличению среднего возраста матери при рождении первого ребенка. Социальная политика гендерного равенства направлена на устранение экономической зависимости супругов друг от друга, в первую очередь женщины от мужчины, на создание равных возможностей для самореализации в различных сферах. Индивиды не принадлежат семейной группе всей своей личностью.

Тенденция изменения структуры лидерства в семье и характера отношения между супругами подталкивает к переосмыслению женщинами своих традиционных ролей, и в первую очередь отношение к материнству. Стремление к более симметричному распределению семейных ролей, в том числе и в отношении воспитания детей, иногда сталкивается с трудностями в своей реализации. Тем не менее эмоциональная близость отца с детьми часто остается символической, а реальные взаимоотношения осуществляются при посредничестве матери. Работаящая мать становится ответственной как бы за две работы — домашнюю и профессиональную.

Резкое сокращение свободного времени для семьи неизбежно ведет к кризису материнства и установке на модель однодетной семьи. Снижение эффективности взаимодействия между поколениями в семье, профессиональная занятость родителей не позволяют уделять достаточного количества времени детям, что ведет, как следствие, к снижению ответственности родителей за содержание и воспитание детей.

Исследуя материнство как христианский образ, П. Евдокимов говорит о десакрализации образа Великой Матери. Искусственное оплодотворение, возможность регулирования или прекращения беременности сделали женщину более свободной в отношении себя как биологического вида.

Наряду с сильным сокращением количества детей на одну семью увеличивается количество нетрадиционных форм брака. Неполные семьи как следствие увеличения числа разводов, гражданские и так называемые гостевые браки являются следствием индивидуализации жизни человека. Если брак становится институтом для личного удобства, то обесценивается главная функция брака — рождение детей, уход за ними и воспитание.

Таким образом, трансформация архетипа Матери в современной белорусской семье под давлением различных факторов проявляется, с одной стороны, в пересмотре женщинами материнства как необходимости раскрытия своей личности только в этой сфере. С другой стороны, трансформация выявляется в отношениях «ребенок — родитель». Архетип Матери вытесняется в образ идеального образа, символа, все чаще неспособного найти отражение в реальности.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ

Борейко Н. А., Белорусский государственный университет

В 30—60-е гг. XX в. разработкой проблематики массовой культуры занимались представители Франкфуртской школы социологии. В ныне общепринятом культурологическом смысле термин «массовая культура» впервые был употреблен основателем этой школы, известным американским искусствоведам Максом Хоркхаймером в работе «Искусство и массовая культура» (1941). Он выдвинул обширную программу социальных исследований, которая охватывала область культуры в широком ее понимании. Им ставилась задача создания целостной теории современного общества, которая была бы нацелена на изучение изменений и особенностей современной социокультурной ситуации и привела бы к выявлению новых возможностей развития общества и личности в нем. «Критическая теория» — главный итог деятельности Франкфуртской школы, формировавшийся на протяжении более сорока лет. Эта теория внесла значительный вклад в культурфилософское осмысление современного этапа общественного развития, в том числе и массовой культуры.

В «Диалектике Просвещения» (1947) — совместном труде Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно — массовую культуру авторы называют «культуриндустрией» или «индустрией культуры». Они говорят о том, что массовая культура манипулирует индивидуальностью. Хоркхаймер и Адорно сомневаются в положительности индивидуальности, формирующейся в массовом обществе, так как ее развитие сопровождается увеличением насилия и деструкции окружающего мира: «Сегодняшний распад индивидуальности не только заставляет рассматривать эту категорию в качестве исторически преходящей, но и пробуждает сомнения в ее позитивном существе... Под знаком индивидуальности реализовала себя тенденция к эмансипации человека, но в то же самое время эмансипация явилась результатом именно тех механизмов, об освобождении человечества от которых как раз и шла речь». В итоге распадающаяся личность становится приметой технологической цивилизации. Растворение личностей в массе приводит к однородности коллектива, что способствует беспрепятственному манипулированию власти над обществом безликих индивидов.